

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

УДК 94(470):323.23

ДЕЛО ПОВСТАНЧЕСКОЙ КОНТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ПРОВЕДЕНИЕ КУЛАЦКОЙ ОПЕРАЦИИ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ОКРУГЕ¹ В 1930-Х ГОДАХ

А.А. Колдушко

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 614990, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29
koldushko@mail.ru

Рассматриваются сценарий, механизмы и результаты проведения кулацкой операции на территории Коми-Пермяцкого округа в 1937-1938 гг. в рамках оперативного приказа № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Региональной спецификой кулацкой операции является взаимосвязь массовых репрессий и ареста руководителей округа, организация открытого судебного процесса над «руководством повстанческой организации».

Ключевые слова: кулацкая операция, репрессии, сталинизм, Коми-Пермяцкий округ, оперативный приказ № 00447, списки.

Несколько лет пермские историки [Включен в операцию... С.198], занимающиеся проблемой политических репрессий в Прикамье, искали в архивных документах список ударников и стахановцев Коми-Пермяцкого округа, который с легкой руки сотрудников НКВД стал списком членов повстанческой организации. Указания на существование искомого блокнота, содержащим список ударников и стахановцев, в делах встречалось довольно часто, но сам документ был просто неуловимым. С течением времени исследователи все более стали склоняться к мысли, что такого – реального – списка просто не существует, он вымышлен самими сотрудниками НКВД. Однако автору удалось найти этот уникальный документ – список ударников и стахановцев, проливающий свет на историю «кулацкой» операции в Коми-Пермяцком округе, осуществленной в ходе реализации приказа наркома внутренних дел №00447 от 30 июля 1937 г.

Изучение «кулацкой операции»² 1937–1938 гг. в российской историографии началось сравнительно недавно – точкой отсчета можно считать публикацию монографии М. Юнге и Р. Биннера «Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения» в 2003 году [Юнге, Биннер, 2003]. За истекшее десятилетие была проделана огромная работа: выявлены и опубликованы документы, относящиеся к подготовке, осуществлению и последствиям операции [Лубянка, 2004], появились коллективные обобщающие монографии [Юнге, Биннер, Бордюгов, Вертикаль большого террора, 2008; Binner, Bonwetsch, Junge, Massenmord und Lagerhaft, 2009]. В совместной работе, подготовленной немецкими историками М. Юнге и Р. Биннером в соавторстве с российским историком Г. Бордюговым, рассмотрены история появления приказа № 00447, механизмы его реализации и формы контроля исполнения, завершение операции и последовавшая десятилетия спустя реабилитация жертв репрессий. Авторы подчеркивают, что большое влияние на ход операции оказывали местные партийные и советские органы, воздействовавшие на ход и масштабы операции.

Следующим шагом стало изучение отдельных аспектов кулацкой операции на уровне регионов [Stalinismus in der sowjetischen Provinz... , 2010]: изучались репрессированные контингенты, «каратели» и иные участники операции. Так, пермский историк М.А. Иванова впервые обозначила проблему кулацкой операции в отношении сельского населения Прикамья в научный оборот, отметив основные цели, методы и направленность репрессий против крестьянства; [Иванова. Коллективизация... С.47–67], сформулировала основные подходы к изучению контрреволюционных повстанческих организаций в Прикамье [Иванова М.А. Из истории... С. 118 –129]. Особо следует отметить работу пермских историков – авторов коллективной монографии «Включен в операцию».

Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг.», которым удалось выявить региональные особенности кулацкой операции, показать ее связь с другими репрессивными кампаниями [Включен в операцию... , 2009].

В настоящее время наиболее актуальной исследовательской задачей является детальное изучение особенностей массовых репрессивных кампаний на микроуровне – округа, города, района, и первые такие исследования уже появляются [Ватлин, 2004; Кабацков, Федотова, 2010]. Реализация кулацкой операции на местах дает возможность более тщательно изучить механизмы осуществления массовых операций, проследить важные изменения, которые претерпевали распоряжения центра «вдалеке от Москвы», но которые, несомненно, отражались на общем ходе операции.

История проведения кулацкой операции на территории Коми-Пермяцкого округа не получила достаточного освещения в исторической литературе, но представляет несомненный интерес для исследователей. Ведь именно здесь она приобрела «националистическую» окраску и в конечном итоге вылилась в открытый судебный процесс. Дело повстанческой контрреволюционной организации 1937 г. представляло собой уже «второй круг» репрессий в отношении коми-пермяков. Первый раз дело повстанческой организации в Коми-Пермяцком округе «расследовалось» четырьмя годами ранее, и в основу его был положен реальный исторический казус. Еще во времена образования СССР здесь была создана инициативная группа, которая пыталась «продавить» через Москву присоединение коми-пермяцких уездов, ранее входивших в состав Пермской губернии, к республике Коми. Попытка не увенчалась успехом.

В 1933 году следователями ОГПУ участники упомянутой группы были превращены в кулацко-повстанческую контрреволюционную организацию, «ставящей основной задачей вооруженное восстание и образование Финско-Угорской Федерации с вхождением в нее всех народов Севера, отделение от СССР и присоединение к Финляндии»³. Вместе с тем, «под шумок» расправились и с недовольными режимом: кулаками, середняками, кустарями и пр. (всего по делу было осуждено 43 человека)⁴.

Массовые аресты по приказу № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» начались в Коми-Пермяцком округе с отставанием в один день от общесоюзной даты – 6 августа 1937 года. Накануне операции руководитель Окружного отдела НКВД лейтенант госбезопасности Беланов провел совещание, где приказал сотрудникам подготовить списки лиц, подлежащих аресту. В списки следовало внести граждан, числившихся на оперативном учете «в органах»: тех, на кого имелись данные о службе в белой армии; замеченных в принадлежности к антисоветским формированиям и партиям; ранее судимых по статьям Особой части УК РСФСР (а также и по иным статьям); выходцев из кулацких семей и т.д.

Аресты по приказу № 00447 начались рано утром, и за первые несколько дней было задержано примерно 500 человек⁵. Следственные мероприятия проводились местными сотрудниками НКВД традиционно-рутинным образом: опрашивались свидетели на предмет имевшегося ранее у подследственного имущества, ведения им «антисоветских» разговоров, «дискредитирующих политику партии и соввласти» и пр., к делу приобщалась справка из сельсовета [Казанков, Лейбович, 2007, С. 52–56]. Затем на основе имеющихся материалов формулировалось обвинительное заключение. Иногда даже устраивались очные ставки.

Между тем, установленные заранее лимиты репрессируемых по первой и второй категориям предполагали совсем иные темпы следствия. Коми-Пермяцкий Окротдел НКВД явно «выбивался из графика». Поэтому вскоре в Кудымкар прибыла бригада оперативников из Свердловского управления НКВД в составе десяти человек под руководством Боярского. В их числе были Шахов, Алексеев, Титов, Дэрман, Дистанов, Шишлин и др. После этого начались действительно массовые аресты.

Прежде всего, «свердловская бригада» арестовала все руководство округа (за исключением ответственного секретаря окружкома ВКП(б) А.И. Благонравова, взятого под стражу в июле 1937 г. и второго секретаря Коми-Пермяцкого окружкома ВКП(б) И.С. Голика, арестованного в мае 1937 г.), а после добирала установленные лимиты – в основном в среде колхозников. Всего за время работы следователей из Свердловска было намечено к аресту около 2000 человек⁶.

Ход операции в Коми-Пермяцком округе переломился, и она приобрела несколько специфических черт. Прежде всего, аресты окружной верхушки и основной массы репрессируемого контингента оказались здесь *непосредственно взаимосвязаны*. Как выяснится впоследствии, роль свя-

зующего звена исполнили некие *списки*, ставшие легендой еще тогда, в 30-х годах XX века. Обнаружить эту связь (и стать кульминационным моментом в операции) должен был *публичный судебный процесс*.

Иными словами, свердловские оперативники приехали в Кудымкар, имея в кармане «домашнюю заготовку», и ее автор хорошо известен. Идея существования в Коми-Пермяцком округе повстанческой контрреволюционной организации, имевшей своей целью вооруженный мятеж и свержение советского правительства, принадлежала начальнику Свердловского управления НКВД Д.М. Дмитриеву.

Сценарий. Как сообщал позднее в своих показаниях Боярский, Дмитриев «собрал совещание начальников отделов и заявил, что на Урале несомненно существует большая повстанческая организация. Дмитриев тут же вызвал стенографистку и в нашем присутствии продиктовал директиву начальникам горрайотделов НКВД, в которой указал, что аппаратом управления вскрыта на Урале большая повстанческая организация»⁷. Схема построения контрреволюционной организации, задуманной начальником Свердловского УНКВД была проста как дважды два: штаб находится в Свердловске, на местах формируются корпуса, полки, роты и взводы. Повстанческие формирования снабжаются оружием через структуры Осоавиахима. На этом же совещании Дмитриев предложил следствие по делам арестованных «кулаков» вести в направлении выяснения их принадлежности к повстанческой организации. В директиве особо подчеркнул, что именно кулаки и являются основными кадрами повстанческих формирований на Урале⁸.

Боярскому и его бригаде оставалось лишь сфабриковать «показания», чудовищные по своему содержанию. Он снабдил идею Дмитриева необходимыми подробностями, прорисовал детали. Стратегический план Коми-Пермяцкой повстанческой организации, по версии Боярского, предполагал захват города Перми с его оборонными заводами. Начало боевых действий приурочивалось к моменту объявления войны СССР тем или иным капиталистическим государством. Сперва (по плану), к устью реки Иньва должны быть поданы суда. На них из Коми-Пермяцкого округа боевые дружины мятежников планировалось перебросить вниз по Каме – в Пермь. Причем, дабы воспрепятствовать прибытию правительственных войск для подавления восстания, следовало взорвать мост через р. Каму, а заодно – и основные сооружения Пермского железнодорожного узла⁹. Захватив Пермь, местные партийные и советские работники-националы, должны были позаботиться (не более и не менее) о «присоединении угро-финских национальностей, населяющих Коми-Пермяцкий край и Коми-Зырянскую область, к буржуазной Финляндии»¹⁰.

Сотрудники УНКВД по Свердловской области сами производили назначения «на вновь открывшиеся вакансии». Согласно показаниям члена следственной бригады Дистанова, руководителем повстанческого округа стал Кривошеков (председатель окрсовета Осоавиахима – прим. А.К.), крупную должность получил также секретарь райкома ВКП(б) Ветошев, к тому времени уже арестованный.

Списки. И вот тут-то в этой истории впервые возникают пресловутые списки. В показаниях Дистанов отмечал: «О полученных показаниях Кривошекова и Ветошева я доложил по телефону Дмитриеву. Последний спросил меня, отобраны ли при аресте Кривошекова и Ветошева списки участников повстанческих формирований. Я ответил, что таких списков отобрано не было. Тогда Дмитриев мне дал понять, чтобы я при любых обстоятельствах этот список имел бы. <...> Такими указаниями Дмитриева я был озадачен, я думал, как можно добыть списки повстанческой организации, и решил составить подложный список, в который включить уже арестованных и подлежащих аресту кулаков и прочих арестованных, хотя ничего и не имевших с Кривошековым и Ветошевым»¹¹. Так появился список повстанческой организации, по разным данным включавший в себя от 500 до 2000 человек. Только по делу Я.А. Ветошева проходит более 30 «завербованных» им участников повстанческой организации¹².

Итак, согласно версии Дистанова, «список повстанцев» был составлен им, и является, таким образом, чистой фальшивкой. Но в действительности список был. Правда, это был список ... активистов и стахановцев, о котором мы узнаем из показаний Тигунова: «в дела всех обвиняемых вкладывалась выписка из показаний арестованного секретаря Кудымкарского РК ВКП(б) Ветошева, где было указано, что он, Ветошев, как руководитель контрреволюционной организации держал у себя список участников контрреволюционной организации под видом списка стахановцев и активистов района. Все лица, указанные в этом списке, также были арестованы, и к делам по их обви-

нению была приобщена выписка из списка»¹³. Другой сотрудник НКВД также сообщал, что у секретаря окружкома нашли список стахановцев, принудили этого секретаря дать показания, что это список участников организации, потом всех этих стахановцев посадили, а затем, как повстанцев, расстреляли. По этому поводу среди колхозников якобы шли разговоры: к черту быть стахановцем, а то еще арестуют»¹⁴.

Как относиться к этим показаниям? Не являются ли они родом «следовательского фольклора», циничным перевертышем: стахановец-повстанец, этаким «апокрифом от НКВД»? Как выяснилось, нет.

Список стахановцев и ударников Юсьвинского района был обнаружен в деле И.С. Вилесова, работавшего председателем Юсьвинского райисполкома (вероятно, это только часть знаменитого «ветошевского» списка – прим. А.К.). Он представляет собой обычный блокнот с обложкой светло-зеленого цвета, принадлежащий И.С. Вилесову. Внутри блокнота располагаются рабочие записи, сделанные простым карандашом: о разбивке рабочих по колхозам на рейд, финансовые заметки и пр. Далее находится список ударников и стахановцев по колхозам¹⁵. В нем всего 300 человек (фамилии, имена, иногда отчества), причем две персоналии в нем упоминаются дважды. В ходе анализа был произведен поиск указанных в списке лиц в базе данных репрессированных Прикамья. Выяснилось, что из 298 человек (из подсчета исключены повторы – прим. А.К.) 127 подверглось репрессиям (42,6%). Большинство репрессированных из списка (92%) было арестовано в период проведения кулацкой операции: в сентябре-октябре 1937 г. (См. диаграмму 1), остальные 8% арестовываются значительно позднее – в 1940-1945 гг.

По тяжести вынесенных приговоров, как видно из таблицы 1, почти три четверти репрессированных из списка Вилесова были осуждены по первой категории, и только пятая часть по второй, что, в целом, отражало картину кулацкой операции в масштабах Прикамья [Включен в операцию..., 2009].

Таблица 1.

Высшая мера наказания (I категория)		Осуждение к 10 годам исправительно-трудовых лагерей (II категория)		Освобождено		Прочие меры наказания	
Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%
93	73,2	26	20,5	0	0	8	6,3

По профессиональной принадлежности (см. диаграмму 2) почти половину составляют члены колхоза (49,6%), крестьяне-единоличники – 19%, руководящий состав колхоза – 5,5% (в эту группу включены председатели колхозов, их заместители, заведующие фермой и пр.). Вместе с тем в списке арестованных ударников и стахановцев встречается учитель и священник.

Едва ли можно установить точно обстоятельства создания списка, но то, что им пользовались, очевидно. Так, например, все записанные там стахановцы и ударники Стариковского колхоза в полном составе превращены в повстанческий взвод из протокола допроса фигуранта открытого судебного процесса М.П. Старикова¹⁶.

Открытый судебный процесс. Начальнику Свердловского управления НКВД не давали покоя лавры московских следователей, «раскручивавших» крупные московские процессы. Дмитриев решил вынести дело повстанческой организации в Коми-Пермяцком округе в открытое судебное заседание трибунала Уральского военного округа.

Обвиняемыми на этом процессе были ответственный секретарь Коми-Пермяцкого окружкома ВКП(б) Александр Иванович Благонравов, заведующий окружным земельным управлением Сергей Иванович Исаков, заместитель директора Кочевской МТС по расчетам Алексей Васильевич Гладилов, председатель Пронинского колхоза Степан Сидорович Четин, заведующий МТФ Стариковского колхоза Михаил Петрович Стариков.

В процессе следствия им были даны различные «должности» в повстанческой организации. Так, например, Четин и Стариков стали «командирами взводов». Согласно материалам дела, «УНКВД по Свердловской области в конце августа 1937 г. в Коми-Пермяцком округе вскрыта и ликвидирована контрреволюционная организация правых. <...> Они (Благонравов, Исаков, Гладилов и др. – прим. А.К.) добивались уничтожения цветущей радостной колхозной жизни и возвращения к

проклятым временам голода, кулацкой кабалы и помещичьего произвола. <...> Издевательства, оскорбления колхозников, стремление к ухудшению материального состояния колхозников против Советской власти и коммунистической партии, <...> вредительская деятельность в области производства, разрушительная деятельность по линии МТС, провокационная деятельность, нарушение колхозной демократии»¹⁷.

Подготовка открытого процесса оказалась непростым делом – нужно было, чтобы все обвиняемые чистосердечно сознались, и никто не отказался от своих показаний: ни свидетели, ни обвиняемые. Как указывал на допросе в 1956 г. М.П. Стариков, к нему был приставлен курсант, который течение всей ночи накануне процесса заставлял его запоминать наизусть показания, которые полагалось дать в суде: «Я должен был дать показания о своей причастности к контрреволюционной организации, которая ставил цель свержение советской власти, установление буржуазно-демократического строя помещиков и кулаков и уничтожение колхозов. Эту фразу я повторял за курсантом всю ночь». На самом заседании суда отказаться от показаний Стариков также не смог, поскольку «был застрашен следователями Блиновым и Дмитриевым. <...> Я думал, что если откажусь от показаний, то суд будет приостановлен, меня посадят в камеру и все равно убьют»¹⁸.

Среди свидетелей, выступавших в суде, был племянник М.П. Старикова – Алексей Андреевич Стариков, который на допросе в 1956 г. рассказал, что на суде дал ровно те показания, которые ему дал на листочке следователь. Выступая в суде, он «сильно испугался присутствия большого количества военных и присутствующих граждан, и не мог толком даже прочитать то, что мне написал сотрудник НКВД. Тогда судья раскричался на меня, что я не хочу говорить, покрываю врагов, что я тоже наверное враг. После этого я еще больше испугался и еле выдержал до конца допроса»¹⁹.

Открытое судебное заседание Выездной сессии Военного Трибунала Уральского военного округа проходило в ноябре 1937 г. в г. Кудымкаре и длилось 2 дня с выступлением военного прокурора и защитников, обвиняемых и свидетелей. Все участники процесса признали себя виновными. Благонравов, Гладиков и Четин были приговорены к высшей мере наказания, а Стариков – к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. Бригада следователей из Свердловска уехала в Нижний Тагил разоблачать новую повстанческую организацию, а Д.М. Дмитриев в декабре 1937 был награжден орденом Ленина за образцовое и самоотверженное выполнение важнейших правительственных заданий.

Итак, подведем итоги. Кулацкая операция в Коми-Пермяцком округе выливается в открытый судебный процесс, обвиняемыми на котором выступали одновременно и крупные совпарработники округа и начальники «помельче» – колхозное руководство. Сам факт проведения публичного судебного разбирательства был совершенно нетипичен для глубинки, впрочем, как и объединение в одно дело таких разнокалиберных персон.

Из материалов дела видно, что по мере развертывания кулацкой операции на территории Коми-Пермяцкого округа руководство областного управления НКВД вырабатывало стратегию и тактику повстанцев (при отсутствии самих повстанцев), как рождались сценарные эпизоды, откуда взялся перечень действующих лиц. Можно проследить появление своеобразных «ноу-хау»: перевоплощение списка ударников и стахановцев в перечень членов повстанческой организации, практику «репетиторов показаний» при подготовке открытых судебных процессов. Вместе с тем, прослеживается связь с форматом репрессий общесоюзного масштаба. Местные умельцы могли сплести любые узоры и выстраивать любые комбинации для того, чтобы отличиться и выслужиться (раскрыли целую «повстанческую организацию»!), но лимиты репрессированных, утвержденные заранее, были выполнены до последнего человека.

Примечания

¹ Коми-пермяцкий округ был образован в 1925 г. и входил в состав Уральской области (ранее – территория Усольского и Чердынского уездов Пермской губернии).

² Под кулацкой операцией понимается реализация оперативного приказа № 00447 ««Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»».

³ Обвинительное заключение. 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9028. Т. 3. Л. 277.

⁴ Материал о деле контрреволюционной националистической повстанческой организации в Коми-Пермяцком округе 1933 г. готовится автором к печати.

- ⁵ Протокол допроса свидетеля Тигунова Николая Петровича от 6 апреля 1956 г. Копия. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13195. Т. 2. Л. 184–185.
- ⁶ Обзорная справка по архивно-следственному делу № 980732 по обвинению Шахова Д.А. от 28 июня 1956 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13195. Т. 2. Л. 174.
- ⁷ Там же. Л. 176.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Протокол Допроса Ветошева от 16 августа 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10242. Л. 37.
- ¹⁰ Там же. Л. 9.
- ¹¹ Обзорная справка по архивно-следственному делу № 980732 по обвинению Шахова Д.А. от 28 июня 1956 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13195. Т. 2. Л. 177.
- ¹² Архивно-следственное дело Ветошева Я.А. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10242.
- ¹³ Протокол допроса свидетеля Тигунова Николая Петровича от 6 апреля 1956 г. Копия // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13195. Т. 2. Л. 186.
- ¹⁴ Обзорная справка по архивно-следственному делу № 980732 по обвинению Шахова Д.А. от 28 июня 1956 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13195. Т. 2. Л. 175.
- ¹⁵ Список стахановцев и ударников по колхозам // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10241. Л. 104–116.
- ¹⁶ Протокол допроса Старикова М.П. от 1 сентября 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13195. Т. 1. Л. 155.
- ¹⁷ Обвинительное заключение на Благоданова, Старикова, Четина, Гладикова от 22 сентября 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13195. Т. 1. Л. 167.
- ¹⁸ Протокол допроса Старикова М.П. от 20 июля 1956 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13195. Т. 2. Л. 234.
- ¹⁹ Протокол допроса свидетеля Старикова А. А. от 19 июля 1956 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13195. Т. 2. Л. 238.

Библиографический список

- Binner R., Bonwetsch B., Junge M.* Massenmord und Lagerhaft. Die andere Geschichte des Großen Terrors, Berlin: Akademie Verlag, 2009. 825 s.
- Stalinismus in der sowjetischen Provinz 1937–1938. Die Massenaktionen aufgrund des operative Befehls №00447. Berlin: Akademie Verlag, 2010. 732 s.
- Ватлин А.Ю.* Террор районного масштаба: «массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 256 с.
- Включен в операцию. Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг./ О.Лейбович, А. Колдушко, А. Казанков и др. М.: РОССПЭН, 2009. 318 с.
- Иванова М.А.* Из истории «Большого террора»: дела о так называемых контрреволюционных повстанческих организациях 1937–1938 гг. (по материалам Прикамья) // Вестник Пермского государственного университета. Вып. 3. История. Пермь, 2002.
- Иванова М.А.* Коллективизация в Прикамье: насилие без границ // Годы террора. Книга памяти жертв политических репрессий. Пермь, 1998. С. 47–67.
- Кабачков А.Н., Федотова И.Ю.* Приказ НКВД № 00447. Массовые репрессии в г. Краснокамске в 1937–1938 гг. // Вестник архивиста. 2010. № 4. С. 161–174.
- Казанков А., Лейбович О.* Справка из сельсовета // РЕТРОспектива. 2007. № 2. С.52–56.
- Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М.: МФД, 2004. 736 с.
- Юнге М., Биннер Р., Бордюгов Г.* Вертикаль большого террора. М.: Новый хронограф, 2008. 784 с.
- Юнге М., Биннер Р.* Как Террор стал «Большим». Секретный приказ №00447 и технология его исполнения. Со спец. разд. А. Степанова «Проведение "кулацкой" операции в Татарии». С библиогр. при участии Т. Мартина. Сер. «Первая публикация в России» / ред. Г. А. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 2003. 352 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 25.12.2012

THE CASE OF A COUNTER-REVOLUTIONARY ORGANIZATION: THE IMPLEMENTATION OF THE KULAK OPERATION IN THE KOMI-PERM DISTRICT IN THE 1930S

A.A. Koldushko

Perm National Research Polytechnic University, Komsomol'skiy ave., 29, 614990, Perm, Russia
koldushko@mail.ru

The article is devoted to the local episode of political repressions in the 1930s. The scenario, mechanisms and results of the Kulak Operation, implemented on the territory of the Komi-Perm district in 1937-1938, in the framework of the operational order of the NKVD № 00447 «About the operation on repression of former kulaks, criminals and other anti-Soviet elements» are under research. The author investigates the plan of the Kulak operation, reconstructs the logic and the chronology of its implementation; specifies that the rebel organization which had allegedly existed in the Komi-Perm district and was invented by the NKVD officers Dmitriev and Boyarski was built on a military basis.

The lists were very important in the case of the counter-revolution organization. Previously the researchers who were involved in the implementation of the Kulak operation found information about the existence of a list of the members of the rebel organization. The author has found a list of workers and Stakhanovites, which the NKVD officers transformed into the list of the rebel organization's members.

The author reveals such main feature of the operation as its close connection with the arrests of the district's party leadership (the executive secretary of the Komi-Perm committee of the party A.I. Blagonravov and his deputy I. Golik). This, in turn, resulted in an open trial, held in Kudymkar in November 1937, with the participation of public prosecutors, defense attorneys, witnesses. The secretary of the Komi-Permy region committee of the party Alexander Ivanovich Blagonravov, the head of the district land office Sergei Isakov, deputy director of the Kochevo MTS responsible for calculations Alexey Vasilievich Gladikov, the chairman of Proninskij kolkhoz Stepan Sidorovich Chetin, the head of the milk farm of Starikovskij kolkhoz Mikhail Petrovich Starikov were the defendants at that trial.

The NKVD people gave the texts to be presented in the court to the witnesses and to the accused persons. As a result, only Starikov was sentenced to 10 years of imprisonment, and other defendants were sentenced to the highest measure of punishment.

Key words: Stalinism, repressions, the NKVD order No. 00447, the Kulak operation, Komi-Perm district, lists.

References

- Binner R., Bonwetsch B., Junge M.* Massenmord und Lagerhaft. Die andere Geschichte des Großen Terrors, Berlin: Akademie Verlag, 2009. 825 s.
- Stalinismus in der sowjetischen Provinz 1937–1938. Die Massenaktionen aufgrund des operative Befehls №00447. Berlin: Akademie Verlag, 2010. 732 s.
- Vatlin A.Yu.* Terror rayonnogo masshtaba: «massovye operatsii» NKVD v Kuntsevskom rayone Moskovskoy oblasti 1937–1938 gg. M.: ROSSPEN, 2004. 256 s.
- Vklyuchen v operatsiyu. Massovyy terror v Prikam'e v 1937–1938 gg./ O.Leybovich, A. Koldushko, A. Kazankov i dr. M.: ROSSPEN, 2009. 318 s.
- Ivanova M.A.* Iz istorii «Bol'shogo terrora»: dela o tak nazyvaemykh kontrevolyutsionnykh povstancheskich organizatsiyakh 1937–1938 gg. (po materialam Prikam'ya) // Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 3. Istoriya. Perm', 2002.
- Ivanova M.A.* Kollektivizatsiya v Prikam'e: nasilie bez granits // Gody terrora. Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy. Perm', 1998. S. 47–67.
- Kabatskov A.N., Fedotova I.Yu.* Prikaz NKVD № 00447. Massovye repressii v g. Krasnokamske v 1937–1938 gg. // Vestnik arkhivista. 2010. № 4. S. 161–174.
- Kazankov A., Leybovich O.* Spravka iz sel'soveta // RETROspektiva. 2007. № 2. S.52–56.
- Lubyanka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. Arkhiv Stalina. Dokumenty vysshikh organov partiynoy i gosudarstvennoy vlasti. 1937–1938. M.: MFD, 2004. 736 s.
- Yunge M., Binner R., Bordyugov G.* Vertikal' bol'shogo terrora. M.: Novyy khronograf, 2008. 784 s.
- Yunge M., Binner R.* Kak Terror stal «Bol'shim». Sekretnyy prikaz №00447 i tekhnologiya ego ispolneniya. So spets. razd. A. Stepanova «Provedenie "kulatskoy" operatsii v Tatarii». S bibliogr. pri uchastii T. Martina. Ser. «Pervaya publikatsiya v Rossii» / red. G. A. Bordyugova. M.: AIRO-XX, 2003. 352 s.

